

УДК 94+378"19"

EDN: OCTVAG

Исторический факультет Свердловского государственного педагогического института и «Большой террор» 1937–1938 гг.

Кулинский Андрей Андреевич

младший научный сотрудник Лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0009-0004-8089-1604. E-mail: kulinsky@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния «Большого террора» 1937–1938 гг. на становление высшего исторического образования в Свердловске. Во второй половине 1930-х гг. в исторической политике произошел резкий поворот к преподаванию истории в связи с новым идеологическим курсом советского руководства, направленным на воспитание советского патриотизма. В 1934 г. был утвержден один из первых исторических факультетов Урала в составе Свердловского государственного педагогического института (СГПИ). К началу «Большого террора» коллектив исторического факультета состоял из ученых, получивших высшее образование до революции, партийных историков и выпускников высших учебных заведений центральной части СССР. В 1938 г. профессорско-преподавательский состав претерпел значительные изменения, связанные с масштабами репрессий. Помимо сотрудников, непосредственно обвиненных в идеологических преступлениях, в штате факультета оставались и те, на чью жизнь повлияли аресты и следственные дела ближайших родственников.

На основе архивных материалов и воспоминаний современников рассмотрена динамика и последствия террора для высшего исторического образования. Установлено, что акцент репрессий в Свердловске в 1937–1938 гг. был смещен на партийных работников и специалистов-историков, окончивших коммунистические вузы, что противоречит выводам о «вытеснении специалистов старой школы». Несмотря на масштабы репрессий, в период «Большого террора» пострадало лишь несколько преподавателей исторического факультета СГПИ. Из-за малочисленности штата это негативно сказалось на научно-педагогической работе. Тем не менее историческому факультету СГПИ в итоге удалось компенсировать ущерб, нанесенный «Большим террором».

Ключевые слова: историография, высшее историческое образование, советские историки, историческая наука Урала, «Большой террор».

Политико-идеологический курс советского руководства середины 1930-х гг., направленный на воспитание патриотизма, был связан с резким поворотом к преподаванию истории в среднем и высшем школьных звеньях. Для реализации новой исторической политики было принято решение о воссоздании системы высшего исторического образования, фактически ликвидированного в конце 1920-х гг. как самостоятельного направления. Ключевой этап становления факультетов высших учебных заведений страны, где должны были готовиться советские историки, пришелся на тяжелые годы «Большого террора», сопровождавшиеся масштабными репрессиями практически во всех сферах жизни советского общества.

В историографии проблема влияния «Большого террора» на формирование высшего исторического образования в СССР не получила должной разработки на монографическом уровне. В то же время современными учеными были подготовлены биографические исследования репрессированных сотрудников научно-исследовательских учреждений и преподавателей исторических факультетов советских вузов. Так, в 1994 г. А. Л. Литвиным была издана книга, раскрывающая биографии нескольких репрессированных в 1937–1938 гг. московских и казанских историков [19]. В 2019 г. был опубликован сборник документов, в котором представлена трагическая судьба сотрудника Ленинградского отделения Института истории АН СССР и профессора кафедры истории СССР исторического факультета Ленинградского государственного университета В. Н. Кашина. Автор вступительной статьи и комментариев Р. Ш. Ганелин охарактеризовал эмоционально-психологическую обстановку в историческом сообществе периода сталинских репрессий [37].

Проблема влияния «Большого террора» на становление системы советского высшего исторического образования поднималась в исследованиях, посвященных истории учебных заведений и состоянию высшего исторического образования в регионах. А. Н. Галямичевым в разделе коллективной монографии 2006 г. рассматривалась история развития медиавистики

в Саратовском университете. На основе биографий преподавателей автором изучен и период 1937–1938 гг., сделан вывод о влиянии репрессий на историческое образование в Саратове, согласно которому некоторым преподавателям удавалось успешно реализовать научно-педагогическую работу, в то время как идеологическое давление сказалось лишь на карьере немногих историков [10].

Т. И. Хорхординой в книге 2020 г. исследовалось становление Московского государственного историко-архивного института 1930-х гг. [31]. По утверждению автора, в период «Большого террора» «после включения архивной системы и ИАИ в ведение НКВД в 1938 г.», «институт, как это ни парадоксально, казался островком безопасности за пределами внимания верхов. Сюда потянулись профессора из других, более престижных вузов, оказавшихся под более жестким идеологическим прессом» [31, с. 86–87].

Д. В. Хаминовым в монографии 2021 г. было изучено формирование сибирского исторического научно-образовательного комплекса 1930-х гг. [30]. Ученый пришел к выводам о направленности репрессий против историков Иркутского государственного университета и Иркутского государственного педагогического института, «имевших досоветский стаж преподавательской и научной деятельности» [30, с. 81]. Автор обратил внимание на психологическое состояние историков после 1937–1938 гг. Ученые, отделавшиеся «легким испугом», испытывали страх перед возобновлением уголовных дел, что приводило к «избежанию самостоятельных суждений» и «ненужным умалчиваниям» [30, с. 85].

Если говорить об Уральском регионе, то М. В. Поповым и И. М. Клименко в статье 2020 г. была рассмотрена биография репрессированного в 1938 г. первого декана исторического факультета Свердловского государственного педагогического института (далее – СГПИ) В. К. Ансвесула [22]. Если говорить об обобщающих работах, то в 2019 г. В. Д. Камыниным и Е. В. Лазаревой в статье, посвященной исторической политике на Урале 1930-х гг., была поднята и проблема влияния репрессии 1937–1938 гг. Авторы пришли к выводу, что в 1930-е гг. на Урале происходило «вытеснение из научных учреждений специалистов “старой школы”, с другой – формирование научных кадров, готовых в своих исторических произведениях проводить линию правящей партии» [15, с. 95]. Однако часть упомянутых в статье специалистов, которых затронул «Большой террор», все же принадлежала не к «старой школе», а к числу первого поколения партийных историков [15, с. 93]. Кроме того, авторами совсем не был упомянут находившийся в столице советского Урала – Свердловске – исторический факультет СГПИ, без учета истории которого едва ли можно представить полноценную картину реализации советской исторической политики в регионе.

Таким образом, в современной историографии были сформированы направления в изучении влияния репрессий 1937–1938 гг. на группы историков высших учебных и научных учреждений Урала. Для последующего обобщения проблемы влияния периода «Большого террора» на становление первых уральских исторических институций необходима проработка тематики по отдельно взятым учреждениям, что и было предпринято в данном исследовании.

К началу «Большого террора» на Урале функционировал Свердловский педагогический институт, созданный на базе Уральского инженерно-педагогического института (УРИПИ). В 1934 г. был учрежден исторический факультет СГПИ [28, с. 24], на который возлагалась функция по обеспечению обширных территорий Урала квалифицированными специалистами-историками.

Коллектив исторического факультета к 1937 г. состоял из опытных ученых, получивших высшее образование еще до революции; историков партии, мобилизованных в институт для педагогической и административной работы; приезжих молодых специалистов, окончивших высшие учебные заведения центральной части СССР. Должность декана с лета 1937 г. занимал выпускник Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской А. И. Алексеев [35, л. 39]. Его предшественнику, первому декану факультета В. К. Ансвесулу, окончившему аспирантуру при Уральском коммунистическом университете, пришлось оставить должность в СГПИ после назначения 19 июня 1937 г. заведующим отделом агитации и пропаганды Свердловского городского комитета партии [22, с. 16–17]. Заведующим кафедрой истории с сентября 1936 г. [28, с. 389] был назначен известный специалист в области истории государства и права профессор С. В. Юшков, командированный в Свердловский педагогический институт еще в 1935 г. Народным комиссариатом просвещения РСФСР [32, л. 134]. С 1935 г. штатным преподавателем стал Н. П. Руткевич, учившийся в 1912–1918 гг. на историко-филологическом факультете Киевского университета [5, л. 1–2] и утвержденный в звании профессора в 1931 г. Государ-

ственным научно-методическим комитетом УССР без защиты диссертации [27, л. 1]. На факультете также работали преподаватели В. Н. Розенталь, И. Ф. Ивашин, А. М. Патрик [25], ассистентка А. А. Захарова [12, л. 25].

Согласно мемуарной заметке студентки 1930-х гг. М. А. Субботиной, «работать на истфаке во второй половине 30-х и в 40-е годы было нелегко... Институт не миновали трагические события тех лет: исчезали люди» [26, л. 1]. После начала репрессий «в коллективе обостренная бдительность и подозрительность. Арестовываются некоторые преподаватели и студенты». И, согласно таким воспоминаниям, репрессиям подверглись студенты-историки И. Е. Вайнер и Х. З. Усманов [26, л. 1].

Согласно архивным данным, Х. З. Усманов был отчислен приказом от 5 июня 1935 г. «за антисоветское выступление» [1, л. 1]. И. Е. Вайнер «в 1935 году стал студентом СГПИ двухгодичного отделения, так называемого Учительского института, исторического факультета» [2, л. 5]. В том же году И. Е. Вайнер был обвинен в антисоветских высказываниях по 58 статье УК РСФСР [2, л. 5]. Все же студенты Вайнер и Усманов пострадали еще до начала «Большого террора».

Уже в 1938 г. «Большой террор» ощутимо коснулся исторического факультета СГПИ: 3 февраля В. К. Ансвесула арестовали по статье 58, пункты 6, 7, 8 УК РСФСР [8, л. 89]. В справке УГБ НКВД на арест фигурировал «руководитель» контрреволюционной организации И. Ф. Мезит, давший показания на сотрудника исторического факультета: «О принадлежности к латвийской разведке я узнал от Лейман в 1936 году. В начале 1937 года я лично установил с ним связь, и его дальнейшая шпионская работа проводилась под моим руководством» [8, л. 3]. На допросе 23 февраля 1938 г. В. К. Ансвесул признал вину: «Вопрос: следствие располагает данными, что Вы являетесь агентом латвийской разведки. Признаете предъявленное Вам обвинение? Ответ: да, признаю... К деятельности латвийской разведки я был привлечен в 1925 году» [8, л. 59].

На закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 8 августа 1938 г. В. К. Ансвесул был приговорен к расстрелу [8, л. 95]. Еще до XX съезда 18 мая 1955 г. военная прокуратура СССР обратила внимание на дело преподавателя. После ознакомления с материалами следствия был вынесен вердикт: «Антисоветской шпионской подрывной латышской организации, участником которой якобы являлся Ансвесул, не существовало» [8, л. 120]. Преподаватель был реабилитирован на основании определения Верховного суда СССР от 25 июня 1955 г. [8, л. 115]. Судебное дело Ансвесула состояло из показаний случайных свидетелей и стандартных обвинительных формулировок без каких-либо подробностей.

Примечательно, что на партийном собрании СГПИ от 9 марта 1938 г. военный руководитель СГПИ Г. А. Жебелев заявил, что «перестраховщик, враг народа Ансвесул распускал слухи об Алексееве, что он плохой декан», а секретарь парткома СГПИ А. И. Пересветов сказал, «что “враги народа” перешли на новую форму борьбы – клевету на честных людей». Как отмечают М. В. Попов и И. М. Клименко, в 1937 г., «став партийным чиновником, Ансвесул считал своим долгом выявление врагов большевизма», в связи с чем поднимал вопросы об исключении некоторых членов из партии [22, с. 17–18]. Это не спасло его от обвинений. В то же время, принимая факт ареста В. К. Ансвесула как данность, партийцы СГПИ попытались отвести удар от других сотрудников института, на которых указывал Ансвесул.

Вскоре после этого на страницах печатного органа Свердловского обкома ВКП(б) «Уральский рабочий» 3 апреля 1938 г. была размещена информационная заметка студентов, в которой жестко критиковался декан исторического факультета СГПИ М. И. Алексеев: «Он громче и больше всех кричит о бдительности и в то же время переполняет свои лекции клеветническими рассуждениями. Например, в лекции об истории гражданской войны в СССР, Алексеев с воодушевлением восхвалял “талантливых” полководцев белогвардейщины, но не находил ни одного слова для характеристики пролетарских полководцев» [24, с. 2].

Реакция на эту заметку была мгновенной: в тот же день, 3 апреля 1938 г., состоялось собрание партийной организации СГПИ. На нем студент исторического факультета Стручков, фактически подтверждая «факт» из заметки, заявил: «Читая лекции по разгрому Колчака, т. Алексеев ярко изображал Колчака, его армию и менее ярко наших командиров гражданской войны. Такое положение ненормально» [33, л. 27]. Алексеев, выступая на собрании, пытался оправдаться: «Партийная организация все это должна проверить. Надо сказать, что надо мной нет контроля, работаю 7-й год, а никто у меня на лекции не бывал. С осени нынешнего года был болен, перегружен, читал лекции очень плохо: готовиться не мог – часто вызывали РК ВКП(б), но в отношении методологии претензий принять не могу. С II курсом не дружу... Возможно, что есть люди “обиженные мною как деканом”» [33, л. 26].

В докладной записке «О состоянии работы Свердловского государственного пединститута» за 1937/1938 учебный год указывалось, что «в коллективе имели место случаи зажима самокритики, как например Алексеев по заметке, критиковавшей работу истфака, всеми средствами добивался найти автора заметки. Он же ко всем указаниям на его ошибки и недостатки пренебрежительно относится, считая, что он “звезда” ничем не погрешим и даже больше, сеет недоверие ко всей парторганизации» [36, л. 60]. Уже в августе 1938 г. М. И. Алексеев не присутствовал на партийных собраниях и заседаниях института. В отчетах исторического факультета за 1937/1938 учебный год научно-педагогическая деятельность декана также не упоминалась.

По воспоминаниям Г. А. Кулагиной, до начала 1938/1939 учебного года М. И. Алексеев покинул Свердловск: «В связи с выделением из состава Уральской области Пермской... был передан в распоряжение Пермского обкома партии. Там, на кафедре истории пединститута он работал и жил до конца своих дней» [18, с. 7]. Скорее всего, причиной отъезда стала идеологическая критика, распространившаяся за пределы СГПИ. Как результат, Алексееву удалось избежать серьезных последствий. В начале 1940-х гг. он стал доцентом на историческом факультете Молотовского государственного педагогического института, где принял участие в публикации сборника «Ученых записок» МГПИ [29].

На карьере преподавательницы Древней истории и курса методики истории СГПИ А. А. Захаровой [13, л. 1], по утверждению Г. А. Кулагиной, сказался арест близкого родственника по политическим обвинениям: «Анна Александровна Захарова, человек уже немолодой, тихий, спокойный, воспитанный... Позже, когда и у нее в семье появился репрессированный (сын – студент), ее перевели в кабинет к Попову лаборантом. Вести методику истории и руководить практикой почасовиком разрешали, а на штатную должность ассистента так до конца дней и не вернули» [18, с. 111]. В то же время жена «врага народа» В. Н. Розенталь продвигалась по карьерной лестнице: в 1939 г. была назначена заведующей кафедрой истории СССР СГПИ [6, с. 52], с 1 августа 1941 г. зачислена доцентом на исторический факультет Свердловского университета по совместительству [3, л. 1].

В обстановке поиска «врагов народа» было удивительно обнаружить сведения об успешной научно-педагогической карьере специалиста, который, на первый взгляд, должен был вызывать подозрения. Речь идет о докторе исторических наук, профессоре С. В. Юшкове. В связи с начавшимися гонениями на представителей дореволюционной школы конца 1920-х гг., Серафиму Владимировичу пришлось покинуть основное место работы в Ленинградском университете. С 1930 по 1935 гг. Юшков работал в Узбекской педагогической академии, Дагестанском педагогическом институте [17, с. 86], после чего переехал в Свердловск.

За непродолжительное время работы Юшков успел стать видной фигурой в институте. По случаю 25-летнего юбилея научной и педагогической деятельности в 1937 г. было организовано чествование профессора [14, с. 230]. Празднование юбилея было утверждено приказом по СГПИ № 128 от 22 июня 1937 г.: «1. По случаю исполняющегося двадцатипятилетия ученой и преподавательской деятельности профессора, доктора исторических наук С. В. Юшкова организовать 2 Июля юбилейное чествование. 2. Для проведения юбилея организовать юбилейную комиссию в составе: Директора Института-профессора А. В. Козырева, (председатель), зам. директора Д. Г. Пайкова, В. К. Ансвесула, декана истфака М. И. Алексеева, председателя Месткома Чиркова, проф. Руткевича, Т. М. Пиньжаковой, студ. Цыпина, просить председателя Союза Высшей школы и секции научных работников выделить своих представителей. 3. Сообщить в Наркомпрос и Облисполком о предстоящем юбилее и просить их об ассигновании нужных средств. 4. Обратиться с предложением в те учреждения, где работал С. В. Юшков, принять участие в чествовании. 5. Предложить комиссии выработать план чествования в двухдневный срок» [23].

О заслугах профессора, как педагога, ученого и общественного деятеля была опубликована информационная заметка сотрудниками СГПИ в областной газете «Уральский рабочий» от 5 июля 1937 г., где сообщалось, что Юшков ведет свою «работу в области истории русского права и истории СССР без перерыва с 1912 года» [38, с. 4]. Коллеги отметили значительный вклад Юшкова в развитие марксистской исторической науки. Формирование позитивного образа профессора не могло произойти без поддержки местных властей. Среди документов Свердловского облисполкома сохранилась примечательная характеристика С. В. Юшкова от 28 июня 1937 г., составленная в связи с празднованием юбилея профессора, где его жизнь излагалась исключительно с положительной стороны [32, л. 134]. Приведем также фрагмент из другой характеристики: «Сын попа, беспартийный. Человек старой выучки. Имеет большие

познания, 25 научных трудов. Методом Марксизма-Ленинизма еще овладевает». Однако затем указывалось, что Юшков «работает добросовестно. *Антирелигиозник* (курсив мой. – А. К.). Участвует в общественной работе. Неоднократно премирован за хорошую работу» [35, л. 42]. Похоже, с помощью таких формулировок местные власти стремились показать лояльность советской власти профессора и уберечь высококвалифицированного сотрудника от идеологических разбирательств.

В период «Большого террора» на исторический факультет СГПИ было принято несколько квалифицированных специалистов. Штат факультета пополнился Н. А. Финкельштейном, А. И. Виноградовым и М. Я. Сюзюмовым. Если для Финкельштейна и Виноградова трудоустройство в Свердловский пединститут было ординарным карьерным событием, то для Сюзюмова, блестящего выпускника Императорского Юрьевского университета, начало работы на историческом факультете СГПИ стало шансом для возобновления профессиональной деятельности, прерванной арестом.

М. Я. Сюзюмов, по характеристике дирекции СГПИ за 1938/1939 учебный год, обладал «большой эрудицией в вопросах истории Средних веков, прекрасным знанием первоисточников» [13, л. 5]. Однако проблема была в том, что в 1936 г. Сюзюмов «арестован за связи с иностранными коллекционерами марок» [21, с. 55] и осужден по статье 59, пункты 9, 11 УК РСФСР [7, л. 153]. Вопреки объявленному приговору, 8 декабря 1936 г. «комиссия по делам Частной амнистии при Президиуме ВЦИК рассмотрела “дело свердловских коллекционеров марок” и решила: М. Я. Сюзюмова “от дальнейшего отбывания лишения свободы освободить”». Судебное разбирательство и приговор препятствовали поиску постоянного места работы. К лету 1937 г. Михаил Яковлевич подрабатывал в Свердловской государственной консерватории, «где вел итальянский язык и занятия по истории античности на подготовительном отделении» [16, с. 278, 283].

В 1938/1939 учебном году М. Я. Сюзюмову удалось получить работу в СГПИ преподавателем латинского языка. По воспоминаниям ассистента кафедры всеобщей истории УрГУ С. Г. Лившица, рассказанным Г. А. Кулагиной, «рискуя многим, Сюзюмова взял тогда на работу на кафедру Н. П. Руткевич. Ему не без труда удалось убедить руководство института, что тот не будет преподавать историю (идеологический фронт!), а как большой знаток древних языков будет вести только латынь – предмет нейтральный» [18, с. 12]. Н. П. Руткевич, имея за плечами опыт обучения в Императорском Киевском университете, прекрасно понимал значимость квалифицированного преподавателя с дореволюционным образованием, рискнул своей карьерой для трудоустройства Михаила Яковлевича. Дальнейшая судьба последнего, как известно, сложилась благополучно: ученый стал основателем известной уральской школы византистики [4].

Ситуация с М. Я. Сюзюмовым не была единичной. По личному поручению М. И. Алексеева на факультет был устроен муж Г. А. Кулагиной (лаборантки исторического кабинета Свердловского государственного университета) – выпускник исторического факультета СГПИ К. В. Попов, отец которого подвергся репрессиям. Приведем воспоминания Галины Александровны: «Мой свекор, учитель начальных классов, Попов В. М. (1888–1938) был арестован 28 февраля 1938 года, осужден “тройкой” 13 мая и расстрелян 14 мая. В этих условиях наш декан (М. И. Алексеев. – А. К.) под личную ответственность взял мужа на работу на должность старшего лаборанта исторического кабинета. Риск, на который он шел, был очень велик» [18, с. 7]. Правда, К. В. Попову не удалось достичь высоких позиций на факультете.

На историческом факультете СГПИ также работал пострадавший от «Большого террора» Н. Е. Застенкер. Выпускник Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова (1923) и Института Красной профессуры (1931) продвигался по карьерной лестнице, работая в 1931–1933 гг. в Коммунистическом университете г. Минска и ЦК ВКП(б) Беларуси. В 1933 г. был переведен на работу в Совет профсоюзов ЦК ВКП(б) г. Магнитогорска, а в 1934 г. направлен в свердловский Институт марксизма-ленинизма [11, л. 3]. Затем в Свердловске Застенкер стал работать по партийной линии, что в том числе способствовало тому, что во время «Большого террора» на него обратили внимание.

Справка о компрометирующих материалах поступила в управление НКВД 18 мая 1937 г. от работника Свердловского обкома ВКП(б) А. Я. Голышева: «Застенкер является участником к-р организации правых и ведет в ней активную организационную и пропагандистскую работу... Перед приездом на Урал он был снят с работы и исключен из партии в Белоруссии за связь и поддержку троцкиста Ривлина. ЦК ВКП(б) его в партии восстановила, но запретила партийную и педагогическую работу. Несмотря на это Застенкер... был вызван в Свердловск и

ему было поручено руководить сектором подготовки и распределения парткадров в орготделе, а потом и в ОРПО Обкома партии» [9, л. 7]. На основании донесения Н. Е. Застенкер был взят под арест в июне 1937 г. по статье 58, пункт 8 УК РСФСР [9, л. 1]. Кроме А. Я. Голышева компрометирующие данные предоставили преподаватель истории Областного дома партийного просвещения А. Н. Лошкарев, член бюро Свердловского обкома ВКП(б) И. В. Ланганс и работник фабрики «Уралобувь» С. И. Докучиц [9, л. 1–191].

В. П. Смирнов, ученик Н. Е. Застенкера, вспоминал: «Наум Ефимович... однажды все же рассказал мне, что был арестован “по списку” как сотрудник Свердловского обкома ВКП(б) вслед за арестом первого секретаря обкома И. Д. Кабакова. “В тюрьме была тяжелая атмосфера: велись постоянные антисоветские разговоры, – вспоминал Наум Ефимович. – К счастью, в камере оказалось несколько стойких коммунистов, мы создали партийную ячейку и стали давать отпор антисоветчикам”» [20, с. 216].

На протяжении двух лет Н. Е. Застенкер отрицал обвинения: «Участником к-р организации я никогда не был и подрывной деятельностью не занимался» [8, л. 10]. Лишь 10 августа 1938 г. состоялось судебное заседание, на котором было принято решение «отправить дело на следствие» в связи с появлением новых обстоятельств [9, л. 139]. За два года заключения Застенкер многократно предоставлял следствию оправдывающие материалы. В финальном постановлении УГБ НКВД по Свердловской области от 11 мая 1939 г. материалы следствия были признаны недостаточными для обвинения: «В деле имеются показания участников к-р организации Докучиц, Ланганс и Лошкарева (осуждены). Докучицу и Лошкареву в отношении Застенкер стало известно как об участнике к-р организации со слов других лиц... По их показаниям Застенкер якобы был вызван из Белоруссии Лапидусом и Кабаковым для подрывной деятельности на Урал. По официальным материалам партархива устанавливается, что Застенкер на Урал приехал специально по путевке ЦК ВКП(б) в г. Магнитогорск, а уже после этого в 1934 г. был переведен в г. Свердловск в аппарат Обкома ВКП(б). Также Застенкер инкриминировалось то, что он сделал троцкистский наскок на аппарат Обкома ВКП(б)... Тогда как выступление Застенкера и его письмо Обкому ВКП(б) разоблачало преступную деятельность врагов народа, еще в 1936 г. орудовавших в институте (Свердловском педагогическом. – А. К.) и Марксизма-Ленинизма, а также в аппарате Обкома ВКП(б). За самокритику и разоблачение вражеской работы Узюкова (Николая Анисимовича – работника Свердловского областного комитета ВКП(б) под покровительством И. Д. Кабакова. – А. К.) и др. Застенкер был исключен из рядов ВКП(б)» [9, л. 190–191]. Наум Ефимович был освобожден из-под стражи 11 мая 1939 г. [9, л. 191]. После прекращения следствия научно-педагогическая карьера историка складывалась благоприятным образом. В конце 1939/1940 учебного года преподаватель был зачислен сотрудником Свердловского пединститута, принят в парторганизацию 16 мая 1940 г. [34, с. 28]. Уже в годы Великой Отечественной войны он будет деканом исторического факультета СГПИ.

Как отмечалось, Д. В. Хаминовым в сибирских вузах была выявлена группа репрессированных преподавателей-историков, относящаяся к ученым с дореволюционным образованием. Акцент репрессий в Свердловске же в 1937–1938 гг. был смещен на партийных работников и специалистов-историков, окончивших коммунистические вузы, что противоречит общим выводам В. Д. Камынина и Е. В. Лазаревой о «вытеснении специалистов старой школы» на Урале. Конечно, потенциально репрессии могли коснуться большего числа преподавателей исторического факультета СГПИ, однако в итоге пострадали от идеологических обвинений лишь единицы. Это не должно создавать иллюзии, что «Большой террор» не оказал значимого влияния. Историческое подразделение СГПИ было немногочисленным и любые изменения в составе кафедры негативно сказывались на исследовательскую и педагогическую работу, что являлось серьезной проблемой для дальнейшего развития системы высшего исторического образования. В то же время несмотря на атмосферу страха и нервозности, в состав факультета было зачислено несколько «неблагонадежных» соискателей. Местные власти и сотрудники СГПИ предпринимали попытки уберечь единичных образованных, имевших опыт работников, для налаживания системы воспроизводства не только учителей, но и будущих кадров высших учебных заведений. Историческому факультету СГПИ все же удалось компенсировать ущерб, нанесенный «Большим террором». В 1937–1938 гг. на историческом факультете СГПИ продолжилась концентрация историков, которые затем составят костяк научно-преподавательского исторического сообщества Свердловска. Последнее же в свою очередь станет прочной основой для утверждения советского высшего исторического образования на Урале.

Список литературы

1. А могли бы быть учителями... «Дело Усманова». Воспоминания // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1329.
2. А могли бы быть учителями... Вайнер Исаак Евгеньевич. Воспоминания // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1329.
3. Архив УрФУ. Оп. личных дел сотрудников УрГУ за 1941 г. Д. 21.
4. Архив УрФУ. Оп. личных дел сотрудников УрГУ за 1943 г. Д. 30.
5. Биография Н. П. Руткевича // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1373.
6. Вера Наумовна Розенталь (1900–1971). Библиографический указатель / сост. М. М. Тимофеева. Рязань, 2000. 9 с.
7. ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15003.
8. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20952.
9. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 5555/6238.
10. Галямичев А. Н. Судьбы отечественной медиевистики. Саратовская школа: трудный путь становления. 1917 – середина 1950-х годов // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов : Наука, 2006. С. 6–45.
11. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-2110. Оп. 5. Д. 103.
12. ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 15.
13. ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 25.
14. Зипунникова Н. Н. Кафедре истории государства и права СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ – 80: Эпоха становления. Часть 1. Первый заведующий – С. В. Юшков // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 218–233.
15. Камынин В. Д., Лазарева Е. В. «Историческая политика» на Урале в 1930-е гг.: современный взгляд // История и современное мировоззрение. 2019. № 2. С. 90–97.
16. Капсалыкова К. Р. Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982): биография и научное наследие : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2023. 527 с.
17. Киселев М. А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб. : Нестор-История, 2020. 432 с.
18. Кулагина Г. А. Свидетель века. Екатеринбург : б. и., 2005. 170 с.
19. Литвин А. Л. Без права на мысль (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань : Татарское кн. изд-во, 1994. 191 с.
20. Смирнов В. П. Наум Ефимович Застенкер (1903–1977) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М. : Наука, 2004. 551 с.
21. Новиков И. А. Революцией призванный: византист М. Я. Сюзюмов на Урале // Запад, Восток и Россия: вопросы всеобщей истории. 2016. Вып. 18. С. 48–57.
22. Попов М. В., Клименко И. М. В. К. Ансвенсул – «латышский стрелок» и первый декан исторического факультета Свердловского пединститута // Педагогическое образование в России. 2020. № 2. С. 14–20.
23. Приказ № 128 по Свердловскому государственному педагогическому институту от 22.VI.37 г. О юбилейном чествовании С. В. Юшкова // Музей истории Уральского государственного педагогического университета. Инв. № 914/11.
24. Слова и дела руководителей Пединститута // Уральский рабочий. 1938. № 76. 3 апр.
25. Список первых преподавателей исторического факультета. Воспоминания // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1373.
26. Субботина М. А. Первые преподаватели. За что их репрессировали? Воспоминания // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1329.
27. Субботина М. А. Учитель учителей. К 100-летию со дня рождения Н. П. Руткевича (1894–1994) // Музей истории УрГПУ. Инв. № 1373.
28. Уральский государственный педагогический университет: летопись-хроника 1930–2000 / сост. А. М. Лушников. Екатеринбург, 2000. 426 с.
29. Ученые записки: исторический факультет / отв. ред. Г. А. Замятин. Молотов, 1941. Вып. 8. 136 с.
30. Хаминов Д. В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма. М. : Политическая энциклопедия, 2021. 221 с.
31. Хорхордина Т. И. Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы: 1930–2020 гг. / под ред. А. Б. Безбородова. 2-е изд. доп. М. : РГГУ, 2020. 449 с.
32. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 240. Оп. 1. Д. 5.
33. ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6.
34. ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 9.
35. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 423.
36. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 341.
37. «Что вы делаете со мной!» Как подвели под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина / сост. Р. Ш. Ганелин. СПб. : Изд-во Нестор-История, 2019. 270 с.
38. Юбилей профессора С. В. Юшкова // Уральский рабочий. 1937. № 152. 5 июля.

The History department of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute and the "Great terror" of 1937–1938

Kulinsky Andrei Andreevich

junior researcher at the Laboratory of digital technologies in historical and cultural studies, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0009-0004-8089-1604.
E-mail: kulinsky@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of the "Great Terror" of 1937–1938 on the formation of higher historical education in Sverdlovsk. In the second half of the 1930s there was a sharp turn in historical policy towards teaching history due to the new ideological course of the Soviet leadership aimed at fostering Soviet patriotism. In 1934, one of the first history departments in the Urals was approved as part of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute (SSPI). By the beginning of the "Great Terror" the staff of the History Department consisted of scientists who had received higher education before the revolution, party historians and graduates of higher educational institutions of the central part of the USSR. In 1938, the faculty underwent significant changes due to the scale of the repressions. In addition to the staff directly accused of ideological crimes, the faculty also included those whose lives were affected by the arrests and investigations of their closest relatives.

Based on archival materials and memoirs of contemporaries, the dynamics and consequences of terror for higher historical education are examined. It is established that the focus of repression in Sverdlovsk in 1937–1938 was shifted to party workers and historians who had graduated from communist universities, which contradicts the conclusions about the "displacement of old-school specialists". Despite the scale of repressions, only a few teachers of the History Department of the SSPI suffered during the "Great Terror". Due to the small number of staff, it had a negative impact on scientific and pedagogical work. Nevertheless, the History Department of SSPI eventually managed to compensate for the damage caused by the "Great Terror".

Keywords: historiography, higher historical education, Soviet historians, historical science of the Urals, "Great Terror".

References

1. *A mogli by byt' uchitelyami... "Delo Usmanova". Vospominaniya* [And They could have been teachers... "Usmanov's Case". Memories] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 1329.
2. *A mogli by byt' uchitelyami... Vajner Isaak Evgen'evich. Vospominaniya* [And They Could Have Been Teachers... Isaak Evgenievich Vainer. Memories] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU, File. 1329.
3. Archive UrFU (Ural Federal University archive). Inventory of personal files of employees of the UrSU for 1941. File. 21.
4. Archive UrFU. Inventory of personal files of employees of the UrSU for 1943. File. 30.
5. *Biografiya N. P. Rutkevicha* [Biography of N. P. Rutkevich] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 1373.
6. *Vera Naumovna Rozental' (1900–1971). Bibliograficheskij ukazatel'* [Vera Naumovna Rosenthal (1900–1971). Bibliographical index] / comp. M. M. Timofeeva. Ryazan', 2000. 9 p.
7. SAABSR (State Archive of Administrative Bodies of the Sverdlovsk region). F. R-1. Inv. 2. File. 15003.
8. SAABSR. F. R-1. Inv. 2. File. 20952.
9. SAABSR. F. R-1. Inv. 2. File. 5555/6238.
10. *Galyamichiev A. N. Sud'by otechestvennoj medievistiki. Saratovskaya shkola: trudnyj put' stanovleniya. 1917 – seredina 1950-x godov* [Fates of domestic medievistics. Saratov school: the difficult path of formation. 1917 – mid-1950s] // *Istoriya i vlast': sovetskie istoriki stalinskoj e'pohi* – Historian and Power: Soviet Historians of the Stalin Era. Saratov, Nauka (Science). 2006. Pp. 6–45.
11. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. R-2110. Inv. 5. File. 103.
12. SASR. F. R-2162. Inv. 1. File. 15.
13. SASR. F. R-2162. Inv. 1. File. 25.
14. *Zipunnikova N. N. Kafedre istorii gosudarstva i prava SUI – UrGuA – UrGJuU – 80: epoha stanovleniya. Chast' 1. Pervyj zaveduyshii – S. V. Yushkov: Epokha stanovleniya. Chast' 1. Pervyj zaveduyushhij – S. V. Yushkov* [Department of History of State and Law of SIL – USLA – USLU – 80: Era of Formation. Part 1. The first head – S. V. Yushkov] // *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* – Russian Law Journal. 2016. No. 4. Pp. 218–233.
15. *Kamynin V. D., Lazareva E. V. "Istoricheskaya politika" na Urale v 1930-e gg.: sovremennyj vzglyad* ["Historical politics" in the Urals in the 1930s. A contemporary view] // *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie – History and modern worldview*. 2019. No. 2. Pp. 90–97.
16. *Kapsalykova K. R. Mikhail Yakovlevich Syuzumov (1893–1982): biografiya i nauchnoe nasledie : diss. ... d-ra ist. Nauk* [Mikhail Yakovlevich Syuzumov (1893–1982): biography and scientific heritage : diss. ... PhD in Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2023. 527 p.
17. *Kiselev M. A. "Regulyarnoe" gosudarstvo Petra I v stalinskoj Rossii: Sud'by istorikov prava v kontekste nauchnyh i ideologicheskikh batalij sovetskogo vremeni* ["Regular" state of Peter the Great in Stalinist Russia: Fates of historians of law in the context of scientific and ideological battles of the Soviet time]. SPb., Nestor-Istoriya. 2020. 432 p.

18. Kulagina G. A. *Svidetel' veka* [Witness of the Century]. Ekaterinburg, 2005. 170 p.
19. Litvin A. L. *Bez prava na mysl'. (Istoriki v epokhu Bol'shogo terrora. Ocherki sudeb)* [Without the Right to Think. (Historians in the epoch of the Great Terror. Sketches of Fates)]. Kazan, Tatarskoe kn. izd-vo. 1994. 191 p.
20. Smirnov V. P. *Naum Efimovich Zastenker (1903–1977)* [Naum Efimovich Zastenker (1903–1977)] // *Portrety istorikov. Vremya i sud'by. T. 4. Novaya i novejshaya istoriya* – Portraits of Historians. Time and Fates. Vol. 4. Modern and Contemporary History.. M., Nauka (Science). 2004. 551 p.
21. Novikov I. A. *Revolyuciej prizvannyj: vizantinist M. Ya. Syuzumov na Urale* [Called by the Revolution: Byzantinist M. Y. Süzyumov in the Urals] // *Zapad, Vostok i Rossiya: Voprosy vseobshhej istorii* – West, East, and Russia: Questions of General History. 2016. Is. 18. Pp. 48–57.
22. Popov M. V., Klimenko I. M. V. K. *Ansvensul – "latyshskij strelok" i pervyj dekan istoricheskogo fakul'teta Sverdlovskogo pedinstitutu* [V. K. Ansvensul – "Latvian shooter" and the first dean of the Faculty of History of Sverdlovsk Pedagogical Institute] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* – Pedagogical education in Russia. 2020. No. 2. Pp. 14–20.
23. *Prikaz No. 128 po Sverdlovskomu gosudarstvennomu pedagogicheskomu institutu ot 22.VI.37 g. O yubilejnom chestvovanii S. V. Yushkova* [Order No. 128 for the Sverdlovsk state pedagogical institute 22.VI.37. On the anniversary honoring of S. V. Yushkov] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 914/11.
24. *Slova i dela rukovoditelej Pedinstitutu* [Words and deeds of the heads of the pedagogical institute] // *Ural'skij rabochij* – Ural worker. 1938. No. 76. 3 apr.
25. *Spisok pervykh prepodavatelej istoricheskogo fakul'teta. Vospominaniya* [List of the first teachers of the Faculty of History. Memories] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 1373.
26. *Subbotina M. A. Pervye prepodavateli. Za chto ikh repressirovali? Vospominaniya* [The First Teachers. Why were they repressed? Memories] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 1329.
27. *Subbotina M. A. Uchitel' uchitelej. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. P. Rutkevicha (1894–1994)* [Teacher of teachers. To the 100th anniversary of the birth of N. P. Rutkevich (1894–1994)] // *Muzej istorii UrGPU* – Museum of History of the UrSPU. File. 1373.
28. *Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet: Letopis'-khronika 1930–2000* [Ural State Pedagogical University: Chronicle 1930–2000] / comp. A. M. Lushnikov. Ekaterinburg, 2000. 426 p.
29. *Uchenye zapiski: istoricheskij fakul'tet* [Scientific Notes: Faculty of History] / ed. G. A. Zamyatin. Molotov, 1941. Is. 8. 136 p.
30. *Khaminov D. V. Istoricheskoe obrazovanie, nauka i istoriki sibirskoj periferii v gody stalinizma* [Historical education, science and historians of the Siberian periphery in the years of Stalinism]. M., *Politicheskaya enciklopediya* – Political Encyclopedia. 2021. 221 p.
31. *Khorkhordina T. I. Istoriko-arhivnyj institut v istorii otechestvennoj vysshej shkoly: 1930–2020 gg.* [Historical and Archival Institute in the History of Russian Higher School: 1930–2020] / ed. A. B. Bezborodov. 2 vol. add. M., RGGU. 2020. 449 p.
32. CDPOSР (Center for documentation of public organizations of the Sverdlovsk region). F. 240. Inv. 1. File. 5.
33. CDPOSР. F. 240. Inv. 1. File. 6.
34. CDPOSР. F. 240. Inv. 1. File. 9.
35. CDPOSР. F. 4. Inv. 13. File. 423.
36. CDPOSР. F. 4. Inv. 33. File. 341.
37. *"Chto vy delaete so mnoj!" Kak podvodili pod rasstrel. Dokumenty o zhizni i gibeli Vladimira Nikolaevicha Kashina* ["What are you doing to me!" As brought under the firing squad. Documents on the life and death of Vladimir Nikolaevich Kashin] / comp. R. Sh. Ganelin. SPb., Nestor-Istoriya. 2019. 270 p.
38. *Yubilej professora S. V. Yushkova* [Jubilee of prof. S. V. Yushkov] // *Ural'skij rabochij* – Ural worker. 1937. No. 152. 5 July.

Поступила в редакцию: 29.01.2025

Принята к публикации: 28.02.2025